

Государственный дворянский земельный банк (1886—1914)

Юрий ГРУЗИЦКИЙ

Профессор БГУ,
кандидат исторических наук

Во второй половине XIX века в процессе формирования общеимперской капиталистической банковской системы в белорусском крае начали создаваться ипотечные финансовые институты различных типов в соответствии со складывающейся в России общеэкономической ситуацией. Одним из важных звеньев новой кредитной системы стал Государственный дворянский земельный банк, активно осуществлявший ипотечное кредитование.

Деятельность этого крупного сословного финансового института в белорусских губерниях является недостаточно исследованной. В известном коллективном труде отечественных экономистов-историков “Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900—1917 годы)” Дворянский банк рассматривается лишь в контексте функционирования ипотечных банков в регионе в узких хронологических рамках. Операции этого кредитного учреждения в северо-западных губерниях затрагиваются отечественным исследователем А.П. Жит-

ко [1]. Однако в белорусской историографии пока отсутствует обобщающая работа, посвященная такому интересному и актуальному в наши дни вопросу.

Отмена в 1861 году крепостного права принесла российскому дворянству немалые трудности, неизбежные при радикальной перестройке хозяйственной жизни, которые существенно обострил и общеевропейский аграрный кризис 1880-х годов, вызванный наплывом дешевого заокеанского зерна. Позиции господствующего класса под натиском рынка существенно ослабли. Кредитование в акционерных земельных банках, действовавших с 1870-х годов, под высокие проценты (от 8 до 10) было непосильно для дворянского сословия и нередко приводило к разорению крупных землевладельцев. Поддержкой слабейшему дворянству могла стать организация государственного ипотечного кредита по образцу феодальных казенных банков, к чему неоднократно призывали верховную власть именитые помещики.

В итоге 21 апреля 1885 года, в столетнюю годовщину провозглашения Екатериной II “Жалованной грамоты” дворянству, на свет появился рескрипт Александра III, известивший об учреждении Государственного дворянского земельного банка, в котором сообщалось: “Во внимание к нуждам дворянского поместного землевладения, во многих местах расстроенного оскудением хозяйственных средств и затруднением кредита, Мы повелели министру финансов приступить на указанных Нам началах к утверждению особого дворянского банка, дабы дворяне тем более привлекались к постоянному пребыванию в своих поместьях, где им преимущественно предстоит применять свои силы к дея-

тельности, требуемой от них долгом их звания”. Политическое значение нового банка не оставляло сомнений: царизм с помощью долгосрочного кредита стремился укрепить позиции российского дворянства.

Главное направление деятельности этого ипотечного учреждения было определено так: “Государственный дворянский земельный банк выдает ссуды потомственным дворянам под залог как целых имений в полном их составе, так и отдельно закладываемых имений” [2]. В конце 1885 года были открыты первые 13 губернских отделений Дворянского банка, а в период с января по август 1886 года — еще 12 его представительств, в том числе Виленское (для Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерний), Витебское и Могилевское. В феврале 1888 года Витебское отделение Дворянского банка закрылось, а Витебская губерния была включена в район действий Смоленского представительства банка. Ходатайство администрации Минской губернии об открытии там отделения этого банка не было удовлетворено [3]. К 1914 году в России действовало 27 отделений банка, которые охватывали своими операциями около 50 губерний.

Статистика свидетельствует о высоком спросе на ипотечные ссуды, который обозначился уже с началом деятельности этого ипотечного учреждения. Но начавший функционировать Дворянский банк весьма осторожно осуществлял выдачу ссуд, тщательно анализируя не только кредитоспособность, но и политическую благонадежность каждого заемщика. Из 3935 поданных в 1886 году заявлений на получение кредита в объеме 144,4 миллиона рублей было удовлетворено 2645 “прошений”

на 80,5 миллиона рублей, то есть, соответственно, 67,2 и 55,7 процента. Более строгий подход был по отношению к дворянству белорусского края: администрация банка удовлетворила лишь 28,8 процента заявлений местных помещиков на получение кредита и предоставила им ссуды только в размере 22,7 процента от запрошенных [4], а дворянство Минской губернии вообще некоторое время не было включено в число клиентов этого финансового института.

Витебское отделение Дворянского банка летом 1887 года сообщало местному губернатору, что банковские операции проводятся не особенно активно, — Крестьянский поземельный банк “шире ведет свое дело”, кредитую низшее сословие землевладельцев. За этот период в отделение Дворянского банка поступило заявлений на получение ссуд на 1 049 160 рублей, а получено разрешений на выдачу кредитов лишь на 388 100 рублей [5]. Местное дворянство вынуждено было сбывать часть своих земель при содействии Крестьянского банка.

Причиной такого положения было то, что из клиентов банка фактически исключались лица “нерусского происхождения”, к которым относили немалую часть помещиков белорусских губерний. В административной практике самодержавия в то время использовались определения “польское происхождение”, “римско-католическое вероисповедание”. Таким образом значительная часть белорусских дворян-католиков была подведена под категорию “лиц польского происхождения” и ее фактически лишили возможности кредитования в Дворянском банке.

Когда разрабатывался порядок деятельности Дворянского банка, в печати Западного края развернулась дискуссия о возможности кредитования этим ипотечным учреждением помещиков польского происхождения. На польскую газету “Крај”, выступавшую за их допуск к кредитам банка, обрушились пророссийские периодические издания “Виленский вестник” и “Киевлянин”, заявлявшие, что нельзя уравнивать русское и польское дворянство, которое “погубило свое отечество” и не желает служить русским царям [6]. Самодержавие

не могло простить шляхте западных губерний ее участие в антицаристском восстании 1863 года.

Для того чтобы стать заемщиками банка, помещики-католики должны были получить специальное свидетельство на право покупки земли, выданное самим губернатором, что являлось весьма проблематичным. Это условие деятельности Дворянского банка в западных губерниях было оговорено еще в сентябре 1885 года, поэтому многие местные землевладельцы были вынуждены кредитоваться в акционерных земельных банках, где ссуженная стоимость была гораздо дороже.

Для кредитования в Дворянском банке привлекался исключительно “великорусский” клиент, который имел немалые льготы: получал ссуды наличными деньгами до начала XX века, осуществлял пониженные платежи по кредитам и др. В результате, как отмечали чиновники Министерства финансов, “русским землевладельцам — дворянам уже не было никакого смысла обращаться в Виленский банк (частный. — Ю.Г.), и русский элемент в среде его заемщиков сделался еще более редким” [7].

Более того, самодержавие активно использовало этот банк и для упрочения позиций “великорусского” дворянства в Западном регионе, предоставив ему с 1894 года право выдавать “потомственным дворянам” специальные повышенные ссуды на покупку имений у лиц “нерусского происхождения”, в первую очередь у землевладельцев-католиков, в девяти западных, в том числе пяти белорусских губерниях. Выдача таких ссуд разрешалась в размере 75 процентов оценочной стоимости имения на основании решения Совета банка, утвержденного министром финансов. Высокие размеры ссуд по отношению к оценке залога свидетельствуют о довольно льготном режиме кредитования покупателей поместий “великорусскими” землевладельцами.

Таким образом, Дворянский банк способствовал реализации политических интересов верховной власти. Спустя три месяца после принятия этого решения управляющий банком А.А. Голенищев-Кутузов направил распоряжение в Виленское, Киевское, Могилев-

ское и Смоленские отделения о необходимости наращивания операций по кредитованию земельных покупок “потомственными дворянами” русского происхождения, требуя “принять все зависящие от вас меры к возможно скорейшему, вне общей очереди, производству дел этого рода” [8].

При проведении таких кредитных операций возникали недоразумения относительно порядка определения продавцов земли “нерусского происхождения”, в связи с чем губернаторам было даже предписано выдавать на этот счет соответствующие удостоверения для представительств банка. Но в начале XX века подобные ссуды пошли на спад из-за резко изменившейся ситуации на земельном рынке, обусловленной столыпинской аграрной реформой. В пяти белорусских губерниях за период 1894—1909 годов на эти цели было предоставлено 84 кредита, а до начала 1915 года — лишь 17 ссуд, из них в Минской — 12. В итоге к началу 1915 года при содействии Дворянского банка в белорусском крае русскими дворянами было куплено 101 имение общей площадью 261 тысяча десятин земли. Но к концу 1914 года во владении первоначальных покупателей этих земель и их прямых наследников в белорусском крае осталось лишь 42 имения площадью около 109 тысяч десятин — 41,6 процента [9].

Несмотря на отсутствие систематизированных данных о сословном составе новых приобретателей этих земель, имеются сведения, что среди таких покупателей были и представители недворянского землевладения. Так шел процесс мобилизации (перераспределения) земельной собственности, который принял в империи необратимый характер. Планам утверждения “великорусского” землевладения в западных губерниях с помощью Дворянского банка не суждено было осуществиться.

Национально-религиозный состав белорусского дворянства предопределил и формирование сети отделений Дворянского банка в северо-западных губерниях. Подтверждением тому явилось закрытие в начале 1888 года Витебского отделения банка и включение губернии в район действия его Смоленского представительства. Причиной этого решения явился, как

свидетельствует отчет витебского губернатора, высокий удельный вес представителей неправославного вероисповедания — почти 50 процентов, на которых приходилось 2/3 частных земельных владений губернии [10].

Вместе с тем, кроме операций по кредитованию покупки имений у помещиков “нерусского происхождения”, главным направлением деятельности Дворянского банка была выдача ссуд под залог земли. Несмотря на атмосферу всеобщей эйфории, порожденную убеждением, что новый банк — это возрождение старой системы казенных банков, вскоре стало ясно, что это кредитное учреждение, предназначавшееся для финансовой поддержки крупных и средних землевладельцев, уже не будет осуществлять свою деятельность на принципах, характерных для феодальной эпохи. В условиях развивавшихся рыночных отношений Дворянский земельный банк не мог стать благотворительным учреждением, как не могла и сама ипотека сохраняться на феодальной основе.

Кредиты банк выдавал только под залог земельной собственности, как свободной от долгов, так и “обремененной долгами”, но при условии их погашения или предоставления банку преимущественного права на погашение ссуды. Первоначально сроки ссуд были определены в 48 лет 8 месяцев и 36 лет 7 месяцев. Позже временной диапазон пользования ссуженной стоимостью в Дворянском земельном банке был расширен до восьми сроков: 11, 14, 20, 25 лет, 34 года 6 месяцев, 44 года, 51 год 9 месяцев и 66 лет 6 месяцев.

Размер выдаваемых кредитов не должен был превышать 60 процентов оценочной стоимости закладываемого имущества, определяемой по нормальной или специальной оценке. Нормальная оценка проводилась в соответствии с действующими в империи ценами на землю, а специальная — в результате осмотра имущества представителями банка и определения более точной стоимости земли на основе арендных и продажных цен и ведения хозяйства ее владельцем с учетом строений, доходных промыслов и др.

В особых случаях можно было получить ссуду и в размере 75 процентов оценки, если кредит пред-

назначался для погашения долгов частным лицам и кредитным учреждениям и был выдан до открытия Дворянского банка.

По целому ряду причин потенциальному заемщику могли отказать в ссуде, например, если:

- оценка имущества оказалась менее установленной нормативом суммы;

- недвижимость представлена к залому не всеми ее совладельцами;

- владельцы имущества — иностранные подданные;

- доходы от недвижимости поглощаются расходами;

- управление хозяйством “ведет к его истощению” и др.

Как и в акционерных земельных банках, выдача ссуд долгое время осуществлялась посредством закладных листов, выпускаемых для того, чтобы на уплату процентов по ним шли платежи заемщиков.

Получение кредита предполагало непростую процедуру оценки залога. Это сословное ипотечное учреждение не имело ничего общего с дворянскими банками конца XVIII — первой половины XIX века. “Закон гражданский” четко провозглашал: “Какая бы ни была оценка, обеспеченностью ссуды является все имущество в совокупности. В том числе и все неудобные земли, водные пространства, фабрики, заводы, торговые заведения, горные и рыбные промыслы, разные доходные статьи, растущий в имении лес, строения, живой и мертвый инвентарь” [11]. Лишь по решению Совета банка возможны были какие-либо изъятия из описания залога.

Материалы Виленского отделения Дворянского земельного банка, охватывавшего Гродненскую и Минскую губернии, свидетельствуют о скрупулезности процедуры оценки закладываемой недвижимости. Так, при описании в 1897 году имения Веселово в Борисовском уезде Минской губернии, принадлежавшего Н.Т. Корибут-Дашкевич, кроме обычной характеристики закладываемого имущества указывались количество верст, отдалявших его от ближайших коммуникаций, пункты сбыта сельскохозяйственной продукции, стоимость ее провоза, размеры крестьянских земельных наделов, состояние рек, ремесленного

производства, цены на рабочие руки, экономическая устойчивость хозяйства, стоимость уборочной кампании и др. Это убедительно говорит о существенном отличии ипотеки капиталистической эпохи от системы старых казенных банков [12].

Однако при этом имелось определенное отличие Дворянского банка от коммерческих ипотечных учреждений, значительно удешевлявшее ипотеку. Банку не требовались средства для выплаты дивидендов, поскольку его учредителем было государство. Относительно низкий ссудный процент (5, затем 4, а в 1897 году — 3,5) был обусловлен как надежным обеспечением кредита, так и гарантиями правительства в лице Государственного банка, поддерживавшего курс закладных листов на достаточно высоком уровне, принимая активное участие в биржевой игре. До начала XX века владельцы ипотечных облигаций Дворянского банка были освобождены от курсовых потерь, а их размещением занимался Госбанк, за счет кредитов которого дворянству в течение первых четырех лет выдавались ссуды. Льготные условия кредитования обеспечивались в немалой степени и запасным капиталом Дворянского банка, сформировавшимся за счет прибыли.

Но этим не ограничивалась помощь Государственного банка. Значительная часть ссуд, полученная из Дворянского банка в первые годы его деятельности, пошла на покрытие долга по залогам имений в акционерных земельных банках, где ссуженная стоимость была значительно дороже. На 1 января 1893 года из 319 миллионов рублей ссуд Дворянского банка только 35 процентов составляли новые кредиты, в то время как 65 процентов были выданы на досрочное погашение долгов акционерным земельным банкам [13].

Однако, невзирая на такие благоприятные условия кредитования, Дворянский банк продолжал искать новые возможности для “облегчения долгосрочного кредита”. Важным шагом в этом направлении стал выпуск в 1889 году пятипроцентных выигрышных облигаций с главным призом в 200 тысяч рублей. Такие закладные вывзвали ажиотаж на рынке ценных бумаг и были реализованы по кур-

су вдвое выше номинала, что позволило погасить кредиты Госбанку и значительно увеличить запасный капитал. Банк получил возможность до начала 1906 года выдавать ссуды наличными деньгами, удлинил сроки ссуд, снизил доходность своих облигаций.

Словно-дворянский характер банка проявлялся и в весьма либеральном отношении к неплатежеспособным заемщикам, систематически нарушавшим условия кредитного договора. Так, на начало 1899 года из находившихся в залоге 712 имений помещиков белорусских губерний 61 попало “в публикацию” для представления на аукцион, но продано было лишь одно имение в Витебской губернии [14]. Такая мера, как продажа недвижимого имущества с публичных торгов, была очень редкой, поскольку уже сама процедура представления залога в погашение долга на аукцион в печати (“публикация”) вызывала со стороны заемщиков энергичные действия по спасению своего имущества. К тому же действовал целый ряд процедур со стороны правительства и банка, отменявших эту крайнюю меру в следующих случаях: при частичной уплате долга, по “особому распоряжению”, другими различными послаблениями.

Несмотря на сословный характер Дворянского земельного банка, в круг его заемщиков попадали и представители различных социальных групп: купцы, крестьяне, мещане, которые выступали в качестве покупателей земли, оказавшейся в распоряжении банка. На 01.01.1915 задолженность заем-

щиков северо-западных губерний Государственному дворянскому банку составляла 49,6 миллиона рублей под залог почти 1,5 миллиона десятин земли. Из них недворяне заложили 165,3 десятины земли с долгом в 4,9 миллиона рублей, соответственно, 11 и 10 процентов [15].

К началу 1915 года в пяти северо-западных губерниях Дворянский банк держал в залоге почти пятую часть (19,1 процента) от всей заложенной в ипотечных учреждениях земли края. Остаток непогашенной ему задолженности составлял также 19,1 процента от размера всех невыплаченных кредитов белорусскими землевладельцами ипотечным банкам. По империи эти показатели были, соответственно, 26,7 и 25,7 процента, то есть примерно составляли четвертую часть от всех залогов и ссуд [16]. Приведенные сравнительные данные свидетельствуют о недостаточном развитии кредитных операций Дворянского банка в белорусских губерниях. К 1915 году на заемщиков Северо-Западного края приходилось 5,2 процента от всей задолженности Дворянскому банку.

Государственному дворянскому земельному банку не удалось стать лидером в системе поземельного кредита и в самой империи. К 1915 году в десяти акционерных земельных банках находилось в залоге примерно 38 процентов земли, хотя по сумме выданных кредитов Дворянский банк был близок к ним. Причиной такого положения являлось то, что банковская администрация стремилась

отсеять от льготного кредита мелких землевладельцев и тех, кто не пользовался расположением самодержавия. К тому же кредиты могли выдаваться только под имения с оценочной стоимостью не ниже 500 рублей (до 1890 года — не ниже 1000 рублей).

Вместе с тем Дворянский банк в целом выполнил свою главную задачу — “поддержание землевладения потомственных дворян”, так как немалая часть удерживаемых с заемщиков сумм пошла на погашение старых ипотечных долгов, что ограждало их имения от продажи с торгов. Банк способствовал также формированию земельного рынка и сокращению помещичьих латифундий. С другой стороны, относительно недорогое кредитование крупного и среднего дворянства в этом ипотечном учреждении облегчало перевод определенной его части на рельсы рыночного хозяйства, региональную специализацию аграрного сектора, что свидетельствует о противоречивом и неоднозначном характере этого финансового института. Кроме того, кредиты Дворянского банка частично направлялись и на развитие промышленного потенциала региона. К началу XX века на территории современной Беларуси из 865 мануфактурно-промышленных предприятий свыше 2/3 принадлежало дворянству. К сожалению, ограничительные законы по землевладению “лиц польского происхождения”, принятые в 60-е и 80-е годы XIX века, сдерживали эти позитивные процессы, что, в свою очередь, тормозило экономическое развитие белорусских земель.

Источники:

1. Экономика Белоруссии в эпоху империализма. 1900—1917 гг. Мн., 1963; Жытко А.П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861—1914 гг. Мн., 2003.
2. Сборник правил и инструкций по Государственному дворянскому земельному банку. 1885—1908. СПб., 1909, с. 1.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 4143, л. 3.
4. Отчет Государственного дворянского земельного банка за 1886 год. СПб., 1888, с. 1.
5. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 53170, л. 54.
6. Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Мн., 1980, с. 103.
7. Отчет по ревизии Виленского земельного банка начальника отделения Особенной канцелярии по кредитной части А.Р. Менжинского и чиновника особых поручений Министерства финансов Г.Г. Вороновича. СПб., 1909, с. 8.
8. Сборник циркуляров и распоряжений по Государственному земельному банку 1885—1889. СПб., 1900, с. 82.
9. Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1908 год. СПб., 1914, с. 16; Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1914 год. Пг., 1915, с. 15. Подсчеты автора.
10. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 53170, л. 197. Подсчеты автора.
11. Справочная книжка для заемщиков Государственного дворянского земельного банка за 1913 г. Пг., 1914, с. 24.
12. НИАБ. КМФ 6. Ф. 542. Оп. 1. Д. 55, л. 26—35.
13. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства в 1861—1892 годы. М., 1960, с. 106.
14. Отчет Государственного дворянского банка за 1900 год. СПб., 1901, с. 206. Табл. XX.
15. Отчет Государственного дворянского банка за 1914 год, с. 5. Табл. 2.
16. Отчет Государственного дворянского банка за 1914 год, с. 5. Табл. 2, с. 109; Статистика долгосрочного кредита в России. 1916. Пг., 1916. Вып. 1, с. 22. Подсчеты автора.